

СТО ЛЕТ
ОДИНОЧЕСТВА

GABRIEL GARCÍA MÁRQUEZ
CIEN AÑOS DE SOLEDAD

ILLUSTRATED BY
SERGEY VOROBYEV

ГАБРИЭЛЬ
ГАРСИА МАРКЕС

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

ХУДОЖНИК
СЕРГЕЙ ВОРОБЬЕВ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.134.2-31(7/8)
ББК 84(7Кол)-44
Г20

Gabriel García Márquez
CIEN AÑOS DE SOLEDAD

*Печатается с разрешения Stars and Movies Copyright B.V.
и литературного агентства Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.*

Гарсиа Маркес, Габриэль.

Г20 Сто лет одиночества: [роман] / Габриэль Гарсиа Маркес; пер. с исп. Н. Бутыриной, В. Столбова. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 416 с.

ISBN 978-5-17-086923-7

Стоя у стены в ожидании расстрела, полковник Аурелиано Буэндия вспоминает родной городок Макондо, затерянный где-то посреди Южной Америки, и фантастическую историю своей семьи, которая подобно королевской династии пережила расцвет и упадок.

О горе и радости, надеждах и страхах людей, которые всеми возможными способами пытаются избавиться от проклятия — ста лет беспросветного одиночества — вот уже скоро полвека рассказывает Габриэль Гарсиа Маркес на всех языках мира.

821.134.2-31(7/8)
84(7Кол)-44

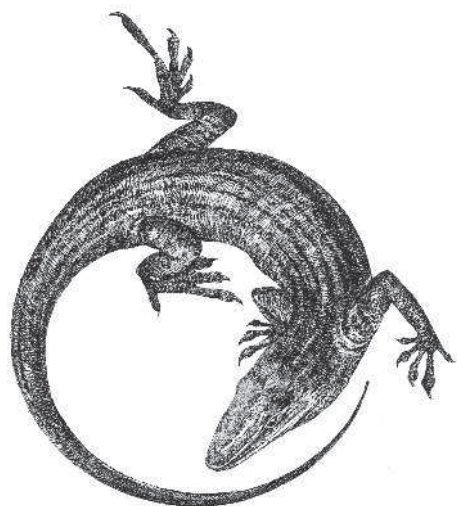
ISBN 978-5-17-086923-7

Copyright © Gabriel García Márquez, 1967

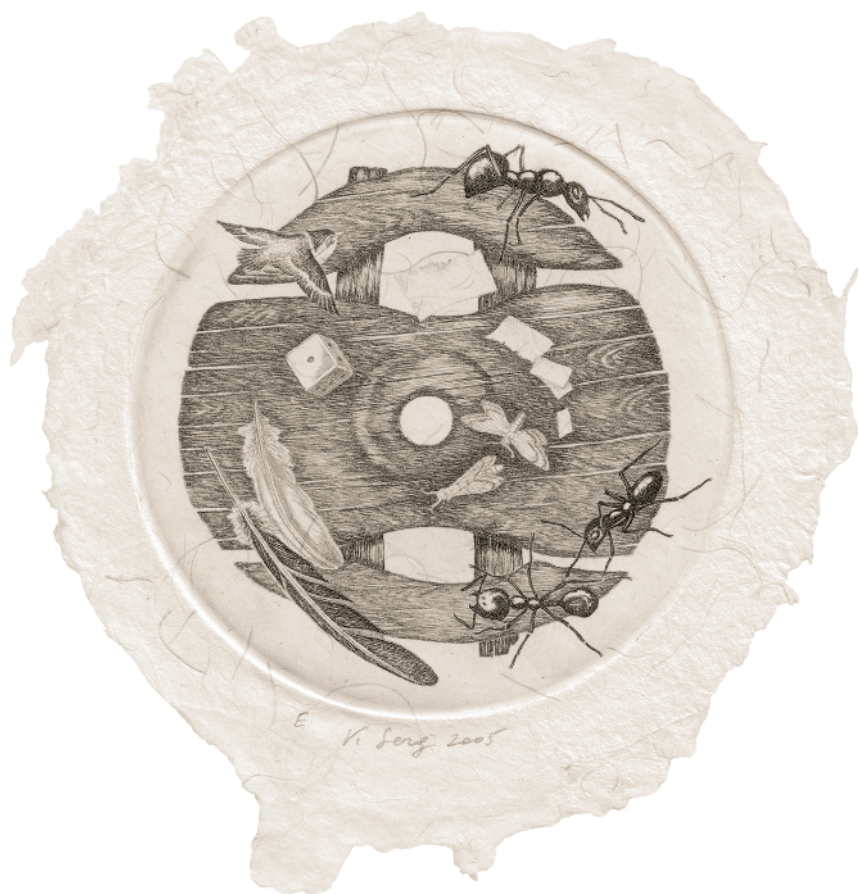
© Н. Бутырина, В. Столбов, наследники, перевод на русский язык

© С. Воробьев, иллюстрации

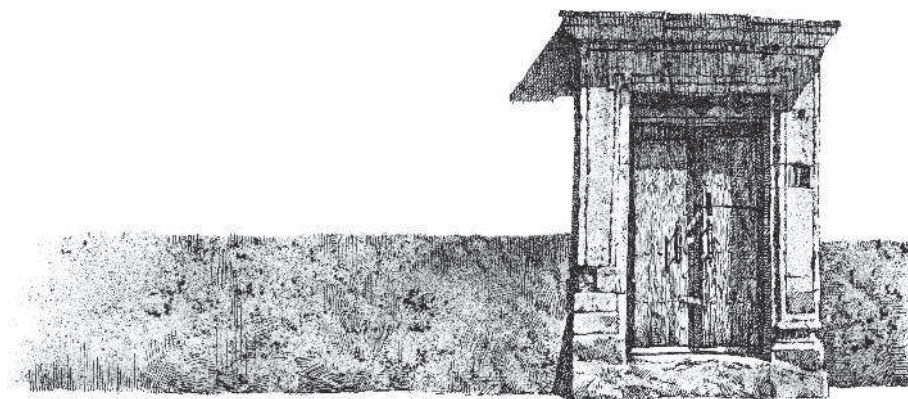
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ХОМИ ГАРСИИ АСКОТ
И МАРИИ ЛУИЗЕ ЭЛИО

E Vi. Long 2005

Пройдет много лет, и полковник Аурелиано Буэндиа, стоя у стены в ожидании расстрела, вспомнит тот далекий вечер, когда отец взял его с собой посмотреть на лед. Макондо было тогда небольшим селением с двумя десятками хижин, выстроенных из глины и бамбука на берегу реки, которая мчала свои прозрачные воды по ложу из белых отполированных камней, огромных, как доисторические яйца. Мир был еще таким новым, что многие вещи не имели названия и на них приходилось показывать пальцем. Каждый год в марте месяце у околицы селения раскидывало свои шатры оборванное цыганское племя и под визг свистулек и звон тамбуринов знакомило жителей Макондо с последними изобретениями ученых мужей. Сначала цыгане принесли магнит. Дородный цыган с дремучей бородой и худыми пальцами, скрюченными, словно птичья лапка, назвавший себя Мелькиадесом, с блеском продемонстрировал присутствующим сие, как он выразился, восьмое чудо света, созданное алхимиками Македонии. Держа в руках два железных бруска, он переходил от хижины к хижине, и охваченные ужасом люди видели, как тазы, котелки, щипцы и жаровни поднимаются со своих мест, а гвозди и винты отчаянно стараются вырваться из потрескивающих от напряжения досок. Предметы, уже давно и безнадежно потерянные, вдруг возникали именно там, где их до этого больше всего искали, и беспорядочной гурьбой устремлялись за волшебными брус-

ками Мелькиадеса. «Вещи, они тоже живые, — провозглашал цыган с резким акцентом, — надо только уметь разбудить их душу». Хосе Аркадио Буэндиа, чье могучее воображение всегда увлекало его не только за ту грань, перед которой останавливается созидательный гений природы, но и дальше — за пределы чудес и волшебства, решил, что бесполезное пока научное открытие можно было бы приспособить для извлечения золота из недр земли.

Мелькиадес — он был честным человеком — предупредил: «Для этого магнит не годится». Но в ту пору Хосе Аркадио Буэндиа еще не верил в честность цыган и потому обменял на магнитные бруски своего мула и нескольких козлят. Напрасно его жена Урсула Игуаран, собиравшаяся за счет этих животных подправить расстроенные дела семьи, пыталась помешать ему. «Скоро я завалю тебя золотом — класть некуда будет», — отвечал ей муж. В течение нескольких месяцев Хосе Аркадио Буэндиа упрямо старался выполнить свое обещание. Пядь за пядью исследовал он всю окружающую местность, даже речное дно, таская с собой два железных бруска и громким голосом повторяя заклятие, которому научил его Мелькиадес. Но единственным, что ему удалось извлечь на белый свет, были покрытые ржавчиной доспехи пятнадцатого века — при ударе они издавали гулкий звук, как большая тыква, набитая камнями. Когда Хосе Аркадио Буэндиа и четыре односельчанина, сопровождавшие его в походах, разобрали доспехи на части, они нашли внутри обызвествленный скелет, на шее у него был медный медальон с прядкой женских волос.

В марте цыгане появились снова. Теперь они принесли с собой подзорную трубу и лупу величиной с хороший барабан и объявили, что это самые новейшие изобретения амстердамских евреев. Трубу установили возле шатра, а в дальнем конце улицы посадили цыганку. Уплатив пять реалов, вы заглядывали в трубу и видели эту цыганку так близко, словно до нее было рукой подать. «Наука уничтожила расстояния, — возвещал Мелькиадес. — Скоро человек сможет, не выходя из своего дома, видеть все, что происходит в любом уголке света». В один из жарких полдней цыгане устроили необыкновенное представление с помощью гигантской лупы: посередине улицы они по-

ложили охапку сухой травы, навели на нее солнечные лучи — и трава вспыхнула. У Хосе Аркадио Буэндия, не успевшего еще утешиться после неудачи с магнитами, тут же родилась мысль превратить лупу в боевое оружие. Мелькиадес, как и в прошлый раз, попробовал было отговорить его. Но в конце концов согласился взять в обмен на лупу два магнитных бруска и три золотые монеты. Урсула с горя даже прослезилась. Эти монеты пришлось достать из сундука со старинными золотыми, которые ее отец скопил за всю свою жизнь, отказывая себе в самом необходимом, а она хранила под кроватью в ожидании, пока не подвернется дело, стоящее того, чтобы вложить в него деньги. Хосе Аркадио Буэндия и не подумал утешать жену, он с головой погрузился в свои опыты и проводил их с самоотречением настоящего ученого и даже с риском для жизни. Стараясь доказать, что лупу можно с пользой применить против неприятельских войск, он подвергнул воздействию сосредоточенных солнечных лучей свое тело и получил ожоги, которые превратились в язвы и долго не заживали. Он уже готов был поджечь и собственный дом, да жена решительно воспротивилась столь опасной затее. Много часов провел Хосе Аркадио Буэндия у себя в комнате за обдумыванием стратегических возможностей своего новейшего оружия и даже составил руководство по его применению, отличавшееся поразительной ясностью изложения и непреодолимой силой доводов. Это руководство вместе с приложенными к нему многочисленными описаниями проведенных опытов и несколькими листами пояснительных чертежей было отослано властям с гонцом, который перевалил через горный хребет, плутал по непроходимым болотам, плыл по бурным рекам, подвергался опасности быть растерзанным дикими зверями, умереть от тоски, погибнуть от чумы, пока наконец не вышел к почтовому тракту. Хотя добраться до города было в те времена почти невозможно, Хосе Аркадио Буэндия обещал приехать по первому слову властей и показать военным начальникам, как действует его изобретение, и даже лично обучить их сложному искусству солнечной войны. Несколько лет он все ждал ответа. Наконец, устав ждать, пожаловался Мелькиадесу на новую неудачу, и тогда цыган самым убедительным образом доказал ему свое благородство: он забрал лупу, возвратил дуб-

лоны и подарил Хосе Аркадио Буэндиа несколько португальских мореходных карт и разные навигационные приборы. Своею собственной рукой Мелькиадес написал сжатое изложение трудов монаха Германа и оставил записи Хосе Аркадио Буэндиа, чтобы тот знал, как пользоваться астрольбией, буссолью и секстантом. Нескончаемые месяцы дождливого сезона Хосе Аркадио Буэндиа просидел, запершись в маленькой комнате в глубине дома, где никто не мог помешать его опытам. Он совершенно забросил свои домашние обязанности, все ночи проводил во дворе, наблюдая движение звезд, и чуть не получил солнечный удар, пытаясь найти точный способ определения зенита. Когда он в совершенстве освоил свои приборы, ему удалось составить себе такое точное понятие о пространстве, что отныне он мог плавать по незнакомым морям, исследовать необитаемые земли и завязывать отношения с чудесными существами, не выходя из стен своего кабинета. Именно в эту пору у него появилась привычка говорить с самим собой, разгуливая по дому и ни на кого не обращая внимания, в то время как Урсула и дети гнули спины в поле, ухаживая за бананами и манго, маниок и ямс, аюймой и баклажанами. Но вскоре кипучая деятельность Хосе Аркадио Буэндиа внезапно прекратилась и уступила место какому-то странному состоянию. Несколько дней он был словно околдованный, все бубнил что-то вполголоса, перебирая разные предположения, удивляясь и сам себе не веря. Наконец, в один декабрьский вторник, за обедом, он вдруг разом избавился от терзавших его сомнений. Дети до конца своей жизни будут помнить, с каким торжественным и даже величественным видом их отец, трясущийся, будто в ознобе, измученный долгими бдениями и лихорадочной работой воспаленного воображения, уселся во главе стола и поделился с ними своим открытием:

— Земля круглая, как апельсин.

Урсула вышла из себя. «Если ты собираешься рехнуться, так Бог с тобой, — закричала она. — А детям нечего вдалбливать проклятые цыганские бредни». Хосе Аркадио Буэндиа не шелохнулся, ярость жены, которая в порыве гнева швырнула на пол астрольбию, не испугала его. Он смастерил другую астрольбию, собрал в своей комнатке мужчин селения и дока-

зал им, опираясь на теоретические доводы, которых никто из присутствующих не понял, что если плыть все время на восток, то можно вернуться обратно в точку отправления. В Макондо думали, что Хосе Аркадио Буэндиа свихнулся, но тут появился Мелькиадес и все поставил на свои места. Он во всеуслышание восславил разум человека, сделавшего с помощью одних лишь астрономических наблюдений открытие, уже давно подтвержденное практикой, хотя и неведомое еще жителям Макондо, и как свидетельство своего восхищения преподнес Хосе Аркадио Буэндиа подарок, которому суждено было оказать решающее влияние на судьбу селения, — оборудование алхимической лаборатории.

Как раз в это время Мелькиадес удивительно быстро одряхлел. Когда цыган впервые появился в деревне, он выглядел ровесником Хосе Аркадио Буэндиа. Но последний все еще сохранял свою необыкновенную силу — ему ничего не стоило повалить лошадь, схватив ее за уши, — а цыгана словно подтачивал какой-то упорный недуг. На самом деле одряхление Мелькиадеса было следствием не одной, а очень многих и редких болезней, полученных им в его непрерывных скитаниях по свету. Помогая Хосе Аркадио Буэндиа оборудовать лабораторию, он рассказал, что смерть повсюду следует за ним, наступает ему на пятки, но все еще не решается прихлопнуть его окончательно. Ему удавалось выходить невредимым из всех бедствий и катастроф, которые обрушивались на человечество. Он остался в живых, хотя болел пеллагрой в Персии, цингой на Малайском архипелаге, проказой в Александрии, бери-бери в Японии, бубонной чумой на Мадагаскаре, попал в землетрясение на острове Сицилия и в кораблекрушение в Магеллановом проливе, стоившее жизни множеству людей. Это необыкновенное существо, утверждавшее, что ему известны секреты Нострадамуса*, имело облик мрачного мужчины, обремененного горькой славой, его азиатские глаза, казалось, видели обратную сторону всех вещей. Он носил большую шляпу, широкие черные поля которой напоминали распростертые крылья ворона, и бар-

---

* Нострадамус (1503–1566) — французский астролог и врач, автор книги «Центурии», где он предсказывал будущее человечества. — *Здесь и далее примечания переводчиков.*

хатный жилет, покрытый паутиной вековой плесени. Однако, несмотря на свою безграничную мудрость и ореол таинственности, он был человеком из плоти, вес ее притягивал Мелькиадеса к земле, делая его подвластным неприятностям и заботам повседневной жизни. Он жаловался на старческие немочи, страдал от мелких денежных невзгод и давным-давно уже перестал смеяться, потому что от цинги у него вывалились все зубы. Хосе Аркадио Буэндиа считал, что именно тот душный полдень, когда Мелькиадес поделился с ним своими тайнами, положил начало их большой дружбе. Детей поразили фантастические рассказы цыгана. Аурелиано, которому тогда было не больше пяти лет, на всю жизнь запомнит, как Мелькиадес сидел перед ними, резко выделяясь на фоне светлого квадрата окна; его низкий, похожий на звуки органа голос проникал в самые темные уголки воображения, а по вискам его струился пот, словно жир, растопленный зноем. Хосе Аркадио Буэндиа, старший брат Аурелиано, передаст этот чудесный образ всем своим потомкам как наследственное воспоминание. Что касается Урсулы, то у нее, напротив, посещение цыгана оставило самое неприятное впечатление, потому что она вошла в комнату как раз в тот момент, когда Мелькиадес нечаянно разбил пузырек с хлорной ртутью.

— Это запах дьявола, — сказала она.

— Совсем нет, — возразил Мелькиадес. — Установлено, что дьяволу присущи серные запахи, а тут всего лишь чуточку сулемы.

И тем же поучающим тоном он прочел целую лекцию о дьявольских свойствах киновари. Урсула не проявила к его словам никакого интереса и увела детей молиться. Отныне этот резкий запах всегда будет напоминать ей о Мелькиадесе.

Примитивная лаборатория состояла, если не считать многочисленных кастрюль, воронок, реторт, сита и фильтров, из простого горна, из имитации философского яйца — стеклянной колбы с длинной, тонкой шеей, и из дистиллятора, сооруженного самими цыганами по новейшим описаниям перегонного куба с тремя отводами, которым пользовалась Иудейская Мария*. Кроме всего этого, Мелькиадес дал еще Хосе Аркадио

---

* Иудейская Мария — женщина-алхимик (конец III в.н. э.).

Буэндия образцы семи металлов, соответствующих семи планетам, формулы Моисея и Зосимы для удвоения количества золота, заметки и чертежи, относящиеся к области великого магистерия*, с помощью которых тот, кто сумеет в них разобраться, может изготовить философский камень. Соблазненный простотой формул по удвоению золота, Хосе Аркадио Буэндия несколько недель обхаживал Урсулу, выманивая у нее разрешение достать из заветного сундучка старинные монеты и увеличить их во столько раз, на сколько частей удастся разделить ртуть. Урсула, как всегда, не устояла перед непоколебимой настойчивостью мужа. Хосе Аркадио Буэндия бросил тридцать дублонов в кастрюлю и расплавил их вместе с аурипигментом, медной стружкой, ртутью и свинцом. Потом вылил все это в котелок с касторовым маслом и кипятил на сильном огне до тех пор, пока не получился густой зловонный сироп, напоминающий не удвоенное золото, а обыкновенную патоку. После отчаянных и рискованных попыток дистилляции, переплавления с семью планетарными металлами, обработки герметической ртутью** и купоросом, повторного кипячения в свином сале — за неимением редечного масла — драгоценное наследство Урсулы превратилось в подгорелые шкварки, которые невозможно было отодрать от дна котелка.

К тому времени, когда возвратились цыгане, Урсула настроила против них всех жителей деревни. Но любопытство одержало верх над страхом — цыгане прошли по улице под оглушительный шум разнообразнейших музыкальных инструментов, а их зазывала объявил, что будет показано самое великое открытие назиянцев***, и все отправились к цыганскому шатру, где, уплатив за вход по одному сентаво, увидели омоложенного Мелькиадеса — здорового, без морщин, с новыми, блестящими зубами. Те, кто помнил его оголенные цингой десны,

---

* Великий магистерий, или философский камень — в алхимии препарат для превращения металлов в золото.

** Герметическая ртуть — ртуть, которую алхимики использовали при изготовлении золота. Герметическим называлось искусство делать золото, по имени Гермеса Трисмегиста, одного из родоначальников алхимии.

*** Назиянцы — жители древнего города Назиянз в Малой Азии.

ввалившиеся щеки, сморщенные губы, содрогнулись от ужаса при виде этого последнего доказательства сверхъестественного могущества цыгана. Ужас превратился в панику, когда Мелькиадес вынул изо рта зубы, все до единого целые и здоровые, и, вновь превратившись на короткий миг в того дряхлого старика, каким его знали прежде, показал их публике, потом опять вставил и улыбнулся — снова в полном цвету своей возрожденной молодости. Даже сам Хосе Аркадио Буэндия усомнился, не преступили ли познания Мелькиадеса границы дозволенного человеку, но когда цыган наедине объяснил ему устройство своих фальшивых зубов, у него отлегло от сердца и он разразился веселым смехом. Все это показалось Хосе Аркадио Буэндия таким простым и в то же время таким необыкновенным, что уже на следующий день он полностью утратил интерес к алхимии; впал в уныние, стал есть когда вздумается и с утра до вечера бесцельно слоняться по дому. «В мире происходят невероятные вещи, — жаловался он Урсуле. — У нас под боком, на том берегу реки, множество разных волшебных аппаратов, а мы тут все продолжаем жить как скоты». Те, кто знал его во времена основания Макондо, удивлялись, насколько он изменился под влиянием Мелькиадеса.

Раньше Хосе Аркадио Буэндия, словно некий молодой патриарх, давал советы, как сеять, как воспитывать детей, выращивать скот, и помогал каждому, не гнушаясь и физической работой, лишь бы жизнь общины шла хорошо. Дом семьи Буэндия был самым лучшим в деревне, и другие старались устроить свое жилье по его образу и подобию. Там были большая, светлая зала, терраса-столовая, украшенная вазонами с яркими цветами, две спальни, во дворе рос гигантский каштан, за домом находилось тщательно обработанное поле, а также загон для скота, в котором мирно уживались козы, свиньи и куры. И лишь бойцовых петухов не держали в этом доме, да и не только в этом, а и во всей деревне.

Трудолюбие Урсулы было под стать трудолюбию ее мужа. Эта деятельная, серьезная маленькая женщина со стальными нервами, которая, наверное, ни разу в жизни не запела, обладала редким даром находиться с самого рассвета до поздней ночи сразу во всех местах, и повсюду ее сопровождало легкое

шуршание накрахмаленных юбок из голландского полотна. Благодаря Урсуле глинобитные полы, небеленые глиняные стены, грубая самодельная мебель всегда сверкали чистотой, а от старых ларей, где хранилась одежда, исходил слабый аромат альбааки.

Хосе Аркадио Буэндиа, самый толковый человек в деревне, распорядился так поставить дома, что никому не приходилось тратить больше усилий, чем остальным, на хождение за водой к реке; он так разумно наметил улицы, что в жаркие часы дня на каждое жилье попадало равное количество солнечных лучей. Уже через несколько лет после своего основания Макондо стало самым чистым и благоустроенным селением из всех тех, в которых случалось бывать его тремстам обитателям. Это было по-настоящему счастливое селение, где никому еще не перевалило за тридцать и где пока никто не умирал.

Уже в дни основания Макондо Хосе Аркадио Буэндиа начал мастерить силки и клетки. Вскоре он наполнил иволгами, канарейками, пчелоядами и малиновками не только свой собственный, но и все остальные дома селения. Постоянные концерты такого множества разнообразных птиц оказались столь оглушительными, что, боясь потерять рассудок, Урсула залепила себе уши воском. Когда в первый раз появилось племя Мелькиадеса и стало продавать стеклянные шарики от головной боли, жители Макондо не могли понять, как это цыгане сумели разыскать маленькое селение, затерянное в просторах обширной долины, и те объяснили, что шли на пение птиц.

Но интерес к деятельности на пользу общества вскоре был вытеснен из души Хосе Аркадио Буэндиа магнитной лихорадкой, астрономическими изысканиями, мечтами о добывании золота и желанием познать чудеса света. Энергичный, опрятный Хосе Аркадио Буэндиа постепенно приобрел вид завязтого лодыря: ходил в грязной одежде и с запущенной бородой, которую Урсуле с великим трудом, да и то изредка, удавалось обкорнать острым кухонным ножом. Многие в деревне считали, что Хосе Аркадио Буэндиа пал жертвой какого-то колдовства. Но даже те, кто был твердо убежден в его безумии, оставили дела и семьи свои и последовали за ним, когда он, перекинув через плечо мешок с лопатой и мотыгой, попросил